

КРИТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРНСТА МАЯ В СССР

УДК: 711.41.4

ББК: 85.113(2)

Идентификационный номер Информрегистра: 0421200020\0008

Меерович Марк Григорьевич

доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры. Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск, Россия

Конышева Евгения Владимировна

кандидат искусствоведения, доцент, "Южно-Уральский государственный университет", г. Челябинск, Россия

Флирль Томас

PhD (теория эстетики), председатель фонда им. Германна Гензельманна, министр науки, исследований и культуры правительства Берлина (2002-2006 г.), г. Берлин, Германия

Аннотация

В статье рассмотрена критика планировочных подходов немецкого архитектора-функционалиста Э. Мая, которые он реализовывал в ходе проектирования «социалистических городов» в годы первых пятилеток. Критическая оценка его деятельности является не столько анализом проектных принципов, сколько политизированными обвинениями и идеологическими штампами, но также отражает поворот советской архитектуры в сторону новой градостроительной концепции. Выводы статьи основаны на анализе широкого круга архивных документов

Ключевые слова

городское планирование, градостроительная политика, соцгород, архитектура первых пятилеток, Э. Май (архитектор)

В 1930 г. для проектирования новых «социалистических городов» в СССР был приглашен знаменитый франкфуртский градостроитель-функционалист Эрнст Май. Профессиональные взгляды Э. Мая полностью совпадали с усилиями советской власти, направленными на организацию массового градостроительного проектирования, на создание поточного, конвейерного, производства архитектурно-проектной и планировочной документации. Э. Май получил в советской градостроительной системе высокий статус, под его руководством создавались проекты Магнитогорска, Кузнецка, Автостроя, Нижнего Тагила и многих других крупных промышленных поселений. Однако очень быстро назрел конфликт Э. Мая с советской системой.

Первые ростки публичной критики градостроительных проектов Э. Мая начали пробиваться менее чем через год после его прибытия в СССР – с середины 1931 г., задолго до его отъезда из СССР. Первоначально в основе этой критики лежали профессиональные замечания, возражения, несогласия. Но постепенно они все больше и больше теряли свою содержательную аргументацию и вскоре «официальное»

отношение к его творчеству приобрело политическую окраску. Начиная с 1934 г., после отъезда Э. Мая, критика превращается в политизированную брань. Его имя почти не упоминается в связи с проектами соцгородов. А если и называется, то лишь в критическом аспекте и с идеологическими выводами. Его проекты характеризуются не иначе как «безобразное наследство ... буржуазного филистера» [24].

За потоком критики, обрушившейся на Э. Мая, явственно проглядывало отрицание всего «капиталистического» и «буржуазного» и, соответственно, отрицание необходимости и пользы привлечения в годы первой пятилетки иностранного опыта, которое теперь расценивалось не иначе, как ошибка. А. Мостаков, совсем недавно своими руками воплощавший градостроительные принципы Э. Мая в проектах, которые разрабатывались в Стандартгорпроекте (сотрудником которого он являлся) и разъяснявший принимавшиеся архитекторами группы Э. Мая проектные решения на различного рода совещаниях, пишет в 1937 г. нечто совершенно противоположное своим недавним выступлениям: «Вряд ли можно благодарить руководство Цekomбанка, пригласившего для этой ответственной работы франкфуртского архитектора Э. Мая. Это был необдуманный шаг. Они не проверили подлинных возможностей Э. Мая и не дали критической оценки его довольно обильной практики в области жилищного строительства во Франкфурте ... Ему на откуп были отданы почти все жилищные новостройки Кузбасса, Донбасса и других индустриальных центров. Применяя ухватки заправского буржуазного дельца, Э. Май ловко использовал доверие своих «покровителей» ... Советские архитекторы допустили непростительную ошибку, дав Э. Маю широко проектировать и строить без всякого критического анализа его работ...» [24, С. 60].

Упреки в том, что «капиталистические» архитекторы проектируют в Советском Союзе «капиталистические» города, в эти и последующие годы становятся веским поводом для отрицания какого-либо положительного вклада иностранных архитекторов в достижения первых пятилеток.

Уже в начале 1931 г., буквально через несколько месяцев после начала работы Э. Мая и его группы в СССР, Э. Май совершенно неожиданно для себя оказывается на самом острие схватки ГУКХ и ВСНХ за право сосредоточения в своих руках дела проектирования генпланов всех соцгородов-новостроек [23]. И абсолютно незаслуженно попадает под удар довольно жесткой и весьма надуманной критики. Так, 2 апреля 1931 г. в «Комсомольской правде» появляется статья, написанная по материалам беседы с заместителем председателя Совнаркома РСФСР и одновременно начальником ГУКХ при СНК РСФСР тов. Рыскуловым. В ней руководство ГУКХ в духе той борьбы, которую оно ведет против ВСНХ и его союзника Цekomбанка, осуществляет публичный выпад в сторону своих конкурентов. И делает это, как принято в те годы, не называя конкретного адресата своей критики, но выбирая объектом порицания «персонаж», находящийся в зоне ответственности данного руководящего органа. Этим «персонажем» становится Э. Май, который трудится в Проектно-планировочном бюро Цekomбанка. По словам Рыскулова, оказывается, что это Э. Май и иностранные архитекторы виноваты в «неудачах» с проектированием генеральных планов соцгородов-новостроек: «Основные недостатки работы группы архитектора Майя заключаются в том, что архитектор Май должен был составить проекты в короткие сроки. Он недостаточно увязал их с более глубоким изучением экономики районов и целого ряда местных условий, на основании изучения которых должны составляться такие проекты. Архитектурный подход при планировке нового города должен быть тесно увязан с техническими и экономическими условиями местности. Группа архитектора Майя хорошо знает свое дело, имеет опыт и старается полезно применять свои знания в условиях СССР. Но нужно эту группу поставить в надлежащие условия и в будущем правильно использовать ее, увязав ее работу с работой наших советских специалистов» [21].

Примерно в это же время член Президиума Магнитогорского горсовета Н. Макаров пишет в своей докладной записке: «Кто же это такой арх. Май? Арх. Май – это глава капиталистической конторы по строительству гражданских сооружений в Германии. Эта контора построила несколько кварталов в одном из провинциальных городов Германии (Франкфурт-на-Майне) и этим пытается создать себе рекламу, как пыталась создать рекламу с отъездом группы арх. Май из Германии в СССР. Эта контора заявила – арх. Май приглашен Правительством Союза строить социалистические города в СССР, в то время как арх. Май был приглашен на работу лишь Цekomбанком. В настоящее время признать свою ошибку в выборе места для строительства г. Магнитогорска для арх. Май означает – скандал. А что арх. Май в выборе места для строительства г. Магнитогорска ошибся – это уже доказано... Он слишком часто ошибается и поэтому, безусловно, доверять арх. Май, конечно, не следует...» [4, л. 33].

С началом осуществления в 1932–1933 гг. государственной политики, направленной на полный отказ от услуг «иноспециалистов» [31, 32], подобная критика становится широко распространенной. А вывод однозначным: участие иностранных специалистов в советской индустриализации бесполезно и даже

вредно: «кадры иностранных специалистов, привлеченных для работы в этой области, вследствие незнания нашей экономики и недостаточного понимания нашей политики ... не могли внести определенной ясности в разрешение вопросов при составлении проектов планировки» [22, С. 35].

В соответствии с формирующейся концепцией «города-ансамбля», от проектировщиков все громче и все настойчивее начинают требовать архитектурно-художественного оформления городской среды. А все, что порождено «функционализмом» – стандартизация, унификация, простота и лаконичность форм, повторяемость типовых сооружений, индустриальное домостроение и проч., хотя и не отбрасывается, но заворачивается в идеологическую словесную шелуху о необходимости «украшать формы скульптурой», «формировать ансамбли улиц», «возвращать пропорции греческого ордера» и т.п. По отношению к планировочным принципам, привнесённым Э. Маем в отечественную практику градоформирования, закрепляется уничижительный термин «маевщина» [9, С. 4]. Оценка его проектов выражается в таких терминах как: «уродливое», «безобразное», «унылое», «безликое», «мертвое», «убогое», «сухое», «органически порочное», «формализм и упрощенчество», «угнетающее безобразие» и т.п.

Прежде всего, критике подвергается стандартизация планировочных приемов, которая, с точки зрения «оппонентов» Э. Мая, являлась ничем иным, как «шаблонным подходом к задаче», «бумажным, формальным подходом к конкретным естественно-природным условиям» [25, С. 35], когда «города проектируются безлично», потому, что архитектор старается «втиснуть условия места в предвзятую «идеальную» геометрическую функциональную схему» [15, С. 22]. В результате, появляются не только типовые здания и типовые кварталы, но, по существу, типовые города, что для советской архитектуры, пронизанной идейно-образным содержанием, является совершенно недопустимым. Обвиняя Э. Мая в следовании «геометрической схеме» планировки, критики почему-то совершенно упускают из виду, что геометрическую сетку улиц вводит не Май, а советское законодательство. Так, 12 января 1930 г., т.е. еще за восемь месяцев до приезда Э. Мая в СССР, ЭКОСО РСФСР своим постановлением вводит в действие «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» [30]. В них совершенно однозначно прописаны те установки, следование которым является обязательным для всех советских проектировщиков. «Правила и нормы» законодательно вводят структуру прямолинейных улиц: «расположение потоков движения следует проектировать преимущественно по прямым линиям (улицы, шоссе, бульвары и т.п.)». Причем, в тех случаях, когда рельеф не способствует подобной трассировке, следует отказаться не от нее, а от «неудобного» места расположения поселения: «при планировке территории под застройку надлежит всемерно избегать выбора таких земельных участков, которые вызывают дополнительные расходы».

С одной стороны, очевидна роль Э. Мая в изменении градостроительных подходов, в сравнении с предшествующим периодом «утопического фантазерства» в начале первой пятилетки. Ее невозможно не признать: «Второй этап в проектировании соцгородов характерен тем, что к проблеме решения города стали подходить уже реально, считаясь с запросами строительства. Большое внимание отдавалось всему сложному комплексу вопросов по инженерным сооружениям <...> При проектировании проводился принцип строгого функционализма. Группа иностранных специалистов во главе с Э. Май проектировала первые «реальные» города, и их проекты первыми осуществлялись в Союзе. Примером таких решений служат проекты арх. Май Магнитогорска, Кузнецка, Ленинска и др.» [16, С. 13].

С другой стороны, в свете требований «ансамблевого подхода», внедряемого вместе с «обращением к классике», в этом начинает усматриваться и серьезный недостаток: «В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве случаев вовсе игнорировались <...>. Если детально ознакомиться с этими работами, то в них проводится одна и та же идея плана: город решается стандартно <...> Правильно задуманная организация города с решением максимального приближения к живущим культурно-бытового обслуживания <...> имеет весьма неприятное планировочное отличие в виде штампованных стандартных элементов, повторяющихся бесконечное число раз в зависимости от величины города <...> Решение улиц, бульваров, магистралей понималось примитивно: улица есть средство сообщения <...>, поэтому решать ее архитектурно не следует <...> Жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид <...> В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил, как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроенные кварталы), удручающее впечатление. Таким образом, на втором этапе проектирования соцгородов учитывались социально-экономические и инженерные проблемы строительства города, но полностью игнорировались вопросы архитектуры» [16, С. 13]. «Требования инженерии и экономики» были поняты Э. Маем «в отрыве от архитектурных задач строительства города», – вторит вслед за критиками А. Мостаков, еще недавно верный соратник и единомышленник Э. Мая [25, С. 37].

А. Мостаков, казалось бы, отдает должное несомненным достоинствам строчной застройки, в проектном применении которой он принимал самое непосредственное участие: «На первый взгляд, в системе Мая все как будто обстояло благополучно ...», – пишет он – «Экономичность застройки, хорошие условия инсоляции, проветриваемости, – все это немаловажные показатели для нашего жилищного строительства». Но при этом А. Мостаков раскрывает глаза читателю на «грубейшую ошибку» Э. Мая, которая заключается в том, что он, оказывается, «... исключает из своей «архитектурной» концепции человека. Он подменяет человеческую личность некоей суммой биологических и технологических требований. В свою очередь, и эти требования он решает упрощенно, сводя весь сложный комплекс жилья к примитивно понятой функции ...». Рассуждая подобным образом, А. Мостаков подводит итоговую черту: «Вся дяляческая трескотня в декларациях Э. Мая преследует одну цель – трактовать человека как безликую, отвлеченную единицу ... Штампованные, однообразные по участку «строчки» жилых домов-коробок, вытянувшихся параллельными шеренгами, очевидно, соответствуют представлению Э. Мая о человеке как бессознательном орудии, пешке, лишенной индивидуальных особенностей» [24, С. 60 - 62].

Руководители архитектурно-проектного комплекса стремятся увязать воедино очевидную экономическую эффективность стандартизации с абсолютно не вяжущимися с этим требованиями фасадного украшения: «Стандартизация, удешевляющая строительство, ускоряющая стройку, позволяющая максимально механизировать производство в области изготовления частей зданий, а также процессов производства не должна доходить до абсурдно-механической планировки, загоняющей рабочего в такие дома и кварталы, которые нельзя найти иначе, как только по специальным путеводителям при наличии четкой нумерации на фасадах. Необходимо далее обеспечить правильное понимание стандартизации. Нам нужна стандартизация только элементов, частных, но не целого. Было бы неправильно игнорировать чисто живописные, декоративные приемы, не в ущерб, конечно, функциональности и экономике. Архитектуре общественных зданий нужно вернуть веками сроднившуюся с ней скульптуру. Не надо придерживаться слепо полной ориентации всех зданий по сторонам света, если эта ориентация портит ансамбль улицы, и не надо бояться классической оси симметрии, если она оправдывается функциональное (последнее относится и к планировкам)» [14, С. 10], – писал, например, в 1933 г. В. Гречуха в одном из ведущих советских архитектурно-градостроительных журналов.

В свете внедряемого свыше «обращения к лучшим образцам классической архитектуры», «красной тряпкой» для критиков являются стандартизированные приемы и типизированные клише крупных градостроительных элементов планировочной структуры – группы жилых домов с объектами обслуживания квартала, района. Осуждению подвергаются механическая разбивка прямоугольной планировочной сетки, прямолинейность улиц, повторяемость зданий, стандартизированность кварталов и т.п. Подобные претензии начинают звучать уже в начале 1932 г.: «... механистическая тенденция в проекте Мая имеется. В городе по этому проекту должен быть 21 квартал и в каждом – по 40 капитальных зданий. Квартал рассчитан на 10 000 – 15 000 жителей, иначе говоря, – это большой район. В каждом квартале, точно в одном и том же месте намечена постройка таких учреждений как школа, прачечная, баня и т.п. общественные и бытовые обществленные учреждения. Вдоль квартала, по обе стороны улицы, чинно располагаются совершенно одинаковые дома, механически расставленные по стандартному принципу. Сделано это без учета рельефа местности той или иной части города, без учета окружения, в котором будет находиться каждый квартал в отдельности» [27, С. 55].

Через год к этим претензиям добавятся упреки в «отсутствии четкого архитектурного облика социалистических городов». В качестве показательных отрицательных примеров будут приводиться именно проекты Э. Мая: «Наиболее характерными планировками в этой области являются планы гор. Магнитогорска и Нового Кузнецка (автор арх. Май). Ровные, отмеренные аккуратно, как на бумаге, кварталы, расставленные на равном расстоянии, одинаковые до малейших деталей дома, отсутствие архитектурно-продуманных ансамблей, улиц и площадей, однообразие всей композиции создают впечатление орнаментального рисунка для материи или знаков ассирийского письма, а не планировки живого города. Это орнаментальное решение плана, сделанное без учета рельефа местности, делает проект нереальным. Ровная же площадка при таком приеме планировки создает город однообразно-монотонный, казарменный ...». А помимо этих упреков все громче начинают звучать тенденциозно подобранные идеологизированные обвинения в том, что в проектах Э. Мая советский город получается «подобен поселкам, которые буржуазия зарубежных капиталистических стран строит для рабочих» [14, С. 10].

С высоких партийных трибун из уст вождей страны звучат разъясняющие и направляющие указания: «Некоторые считают, что упрощенное грубое оформление – это стиль пролетарской архитектуры. Нет,

уж, извините, пролетариат не только хочет иметь дома, не только удобно в них жить, но и также иметь дома красивые. И он добьется того, что его города, его дома, его архитектура были бы более красивыми, чем другие города Европы и Америки», – декларирует Л.М. Каганович [Цит. по 28]. Трактовка города, как художественно-идеологического феномена, призванного выражать в зримых образах транслируемые идеологией смыслы, все в большей степени начинает противопоставляться в этот период другому подходу – инженерно-техническому, функциональному, основанному на повторяемости индустриальным образом изготавливаемых элементов городской среды: «Соцгород – это не тощая, худосочная схема, а композиция больших масштабов, архитектурное единство пространственных и строительных масс, воспринимаемых зрителем в виде ансамблей улиц, центров, площадей, кварталов, зелени, воды и т.п.» [25, С. 37-38]; «наша рабочая общественность ждет от наших социалистических городов красивых, радостных, бодрых, сильных впечатлений» [11].

После официального запрета в советской архитектуре конструктивизма, а вместе с ним и всех прочих проявлений творческого самовыражения, критика функционалистического аскетизма и, как прямое следствие, критика работ Э. Мая приобретает еще более нетерпимую «классовую» оценку. Строчная застройка начинает именоваться не иначе как «импортная», а проектный метод Э. Мая – «вульгарным, грубо-механистическим подходом к проблемам жилищной архитектуры». Один из критиков – Л. Перчик, буквально вопиёт на страницах «Архитектуры СССР», порицая и конструктивизм, и функционализм: «Социализм – это казарма! – лгали и лгут идеологи буржуазии <...> Строй фабричной каторги и рабочих трущоб пытается приписать социалистическому обществу все самые уродливые и отвратительные свои черты ... Социализм – это скука! – Подобный тезис пытались нам навязать своей деятельностью приверженцы функционализма и конструктивизма в архитектуре ... » [29, С. 3].

Стандартизация планировки города и типизация структурных элементов, с точки зрения критиков, вызывает «...отсутствие объемного выражения планировочного замысла ... Никто не решает силуэт города <...> Установившаяся на Западе и перенесенная в советскую практику тенденция исключительно плоскостного, горизонтального выражения образа города неверна по существу <...> Что в самом деле могут выразить мертвые линии схематического изображения? В крайнем случае, систему планировки или идею транспортной сети, но не архитектурный образ ...» [25, С. 37-38].

«Безлико» становится синонимом «безыдейно» – а последнее в стремительно идеологизирующемся архитектурном творчестве становится совершенно недопустимым, преследуемым и наказуемым. Удобство и функциональность оказываются менее важными, чем художественная образность. Игнорирование архитектурного образа города, в целом, и крупных фрагментов городской среды, в частности, становится грубейшей идеологической ошибкой. Причем, образ города понимается теперь исключительно в духе «освоения классического наследия», категорически отвергающего эстетику функционализма. Архитекторам-проектировщикам еще на июльском Пленуме ЦК ВКП (б) 1931 г. устами Л.М. Кагановича была внятно разъяснена новая концепция: «...вопрос о городе и городском хозяйстве вышел уже сейчас за рамки так называемого благоустройства, стал вопросом большого политического и экономического значения» [Цит. по 19, С. 3]. Определив принципы трудо-мобилизационного и военно-мобилизационного структурирования городского и социального пространства, власть озаботилась его репрезентацией. От архитектуры теперь требуется велеречивое «красноречие», и акцент смещается на «идейно-художественный смысл». В соответствии с новыми целями реформируются и принципы планировочной организации городского пространства. К началу второй пятилетки постепенно формируется новый проектно-планировочный подход: социалистический город должен выражать «высокое идеологическое звучание» – увековечивать свершившуюся победу социализма.

А. Мостаков, анализируя Инструкцию НКХ РСФСР «О содержании и порядке составления проектов планировки населенных мест», 1935 г., подробно описывает черты этого нового подхода к городскому планированию: «На первом месте должно стоять освещение вопроса об архитектурно-планировочной идее <...>. Следовало бы изменить название и вместо схемы распределения территории считать ее схемой архитектурно-планировочной структуры города. В текстовой части социально-экономических установок следует добавить особый раздел по архитектурной характеристике выбираемых территорий <...>. В ней должны быть зафиксированы впечатления архитектора <...>. Должны быть описаны основные архитектурные точки, особенности природных условий и другие факторы, могущие повлиять на объемно-пространственную идею города <...>. В графической части необходимо требовать не общих пятен, а прорисовки формы города в приближенных контурах <...>. В целях выявления и учета архитектурных факторов весьма желательно было бы предлагаемые варианты схемы наложить на фон, изображающий

рельеф, архитектурные точки и акценты <...>. В описании вариантных схем <...> дать полное и четкое описание их под архитектурным углом зрения, указать, какую идею преследует тот или иной вариант, какие он имеет объемно-пространственные преимущества <...>. Должны быть описаны приемы композиции <...>. Город – это сумма ансамблей. Ансамбль – это сумма отдельных зданий. Если архитектор умеет проектировать здание, то он должен уметь спроектировать ансамбль а, следовательно, и город как сумму этих элементов... » [26, С. 15-16].

В подобной проектной идеологии не оставалось места для воплощения «функциональной» стратегии проектирования и развития города. Такая стратегия А. Мостаковым трактуется не иначе, как «снижение планировки города до уровня транспортно-геодезической задачи». В свою очередь, Э. Май впоследствии кратко и точно охарактеризовал подобную оценку функционалистского градостроительного метода, говоря о том, что путь, которые выбрали русские, «был ими самими идеологически ослаблен, что воспрепятствовало успеху. Они хотели извлечь выгоду из строгого функционализма, преобладавшего в градостроительстве западных стран в 20-е годы, но они не были готовы принести в жертву этому стилю свои мещанские идеалы» [42, С. 60].

Недовольство деятельностью Э. Мая, имевшее под собой многие причины и поводы и не принимавшее во внимание объективных обстоятельств, повлекло за собой «навешивание ярлыков» и «оргвыводы». Фактически, на Э. Мая возложили ответственность за провал программы капитального жилищного строительства в новых промышленных городах. Архитектор В. Шульц, член бригады Э. Мая, уже в 1932 г. расценивал это именно так: «Нападки, изначально адресованные Цekomбанку, были направлены поздней осенью 1931 года лично против архитектора Мая, так как <...> первый год строительства принес лишь очень незначительные положительные результаты» [43, С. 66 - 67].

30 января 1932 года Э. Май получил письменное уведомление об увольнении с 1 апреля 1932 года из треста «Стандартгорпроект»². Переговоры с Союзстандартжилстроем в итоге привели к заключению нового трудового договора с 5 февраля 1932 г. с понижением Э. Мая в должности и значительным сокращением валютного дохода (с 2000 до 500\$) [40]. В Германии, где внимательно следили за деятельностью Э. Мая в СССР, во «Frankfurter Generalanzeiger» не замедлил появиться язвительный отклик – статья «Судьба экспедиции франкфуртского архитектора Мая. Из диктатора русского строительства в мелкие московские архитекторы». Автор публикации полагал, что «каждый из участников франкфуртской экспедиции в России все бы отдал за то, чтобы отменить тогдашний свой поступок. И, в первую очередь, сам Май. Несколько дней назад стало впервые известно, что городской советник Май больше не является диктатором советского строительства ...». Текст завершался следующими словами: «Дела у господина Мая и его коллег сегодня плохи. Хуже, чем они заслужили. Они оказали доверие русской системе, и, насколько мы можем видеть, это доверие полностью не оправдалось» [37]. Сложившуюся ситуацию довольно скептически охарактеризовал в 1933 г. и работавший в СССР немецкий инженер-проектировщик Р.Волтерс: «Но уже сегодня можно с сожалением сказать, что группа «Май» побеждена. Возможно, немецкое градостроительство больше выиграло бы во влиянии, если бы, во-первых, как минимум, один город Магнитогорск на Урале или Ленинск в Западной Сибири был действительно построен по первоначальным немецким чертежам, и, во-вторых, если бы проекты группы «Май» не выглядели бы все подстриженными под одну гребенку. Сегодня франкфуртский архитектор Май – закатившаяся звезда в России. Его группа растаяла до нескольких преданных людей, и печально-предупреждающе торчат во всех концах России над морем деревянных изб зачатки до смерти заезженной «строчной застройки» [10, С. 127 - 128].

Находящийся в это время в СССР Э. Май отказывался открыто признавать «неудачу своей деятельности в России». И публично продолжал оправдывать советскую проектную систему: «В ответ на публикации в дневной прессе о работе, выполняемой мной и приглашенной вместе со мной в Советский Союз группой, я делаю следующие заявления. В данное время совместно с русскими коллегами и под моим руководством мы разрабатываем следующие градостроительные планировки: Магнитогорск 200 000 человек, Кузнецк 150 000 человек, Ленинск 200 000 человек, Щегловск 135 000 человек, Орск 50 000 человек, Караганда 250 000 человек, Кашира 100 000 человек, Макеевка 150 000 человек, Ленинанкан 120 000 человек. Наряду с этими обширными планировками, также под моим руководством разрабатывается районный и городской проект Нижнего Тагила на Урале, одни только проектные работы которого оцениваются в 6 миллионов рублей. Кроме того, согласно особому заказу со стороны московского правительства, совместно с архитекторами Хебебрандом, Шмидтом, Гассенпflugом, Леманном, а также русскими коллегами Фроловым и Бертигом я разрабатываю генеральный план-схему «Большой Москвы». И это только крупные задачи». При этом точно характеризует свое место в системе: «Что же касается то и дело фигурирующего названия

моей личности «диктатором строительства», так это свидетельствует о полном непонимании русского метода работы. В Советском Союзе еще никогда не было человека, который бы один сосредоточил в своих руках власть над организацией строительства, и, вероятно, никогда такого человека не будет, так как это было бы диаметрально противоположно коллективному методу работы, который создает основу творческой деятельности в этой стране» [38].

Однако все это совсем не означало, что архитектор не видел и не осознавал окружавшей его реальности. Еще осенью 1931 г. он написал письмо И. Сталину, испрашивая аудиенции и желая рассказать о существующих проблемах: «Я считаю своим долгом проинформировать Вас о том, что в отношении возведения новых городов, связанного с быстрым экономическим развитием страны, исключительные возможности, которые в данный момент существуют именно в этой области, не используются так, как этого требует современное состояние градостроительной науки. Вместо комплексного планирования промышленности, транспорта, жилых поселков и зеленых зон имеет место раздробленное проектирование, не охватывающее проблему в целом, а удовлетворяющееся частичными решениями. Результатом этого является то, что сегодня заново совершаются те ошибки, которые капиталистическое градостроительство старого мира старается исправить ценой огромных жертв» [7]. Ответа он так и не получил.

Критическое понимание обстановки нарастало месяц от месяца и принимало все более обобщающий характер. В апреле 1933 г. по дороге из Германии в Москву семья Э. Мая остановилась погостить у швейцарского архитектора Карла Мозера и его жены в Цюрихе. В своем дневнике [35] Мозер оставил записи об этой встрече, в том числе, сказанное Э. Маем о советской обстановке: «Он обрисовывает русскую ситуацию в темных красках. Страна стала игрушкой в руках слабой и малочисленной партии, которая ведет хозяйство без плана, держит в страхе страну, убивает людей, бросает умирать голодных и предпринимает переселения людей, чтобы заполнить бреши в хозяйственной системе. Пятилетний план совершенно провалился, на важнейшие должности приходят лишенные способностей люди, одни инстанции отменяют решения других. Приказ и контрприказ, противоречащие друг другу распоряжения выпускаются без всякой логики, короче, в этой стране порядка нет. Из-за беспорядка вся страна и народ пропадают зря. Воодушевление спадает. Уныние, чувство беспросветности начинают свою разрушительную работу. В России, житнице Европы, переселяют, убивают, грабят зажиточных крестьян. На селе никто не желает работать – голод – разочарование – никаких перемен...». К. Мозер воспринимал Э. Мая как «обездоленного в Москве», как «сокрушенного», «раздражительного и нервного»: «Май болен, тяжело болен. Он пытается перебить раздражительностью свое депрессивное и нестабильное состояние». Э. Май все яснее приходил к убеждению, что ему надо покидать Советский Союз.

Обновленный, от 5-го февраля 1932 года, трудовой договор Э. Мая предусматривал срок действия в течение двух лет и терял силу с 31 января 1934 года, так что не требовалось ни «расторгать», ни «разрывать» его, чтобы покинуть Советский Союз в конце 1933 года. Э. Май пишет о «высказанном ему со стороны русских благоволении»: «Нам позволили, что обычно только дипломатам позволяют, пройти таможенное оформление на дому. 23-го в нашу честь устроили прощальный прием в Гранд-отеле. Трехлетнее пребывание в России было для нас опытом жизни, который я бы ни за что не хотел пропустить» [36]. Как свидетельствует М. Шютте-Лихоцки, «Союз архитекторов устроил ему прощальное чествование» [44, S. 1054]. 21 декабря 1933 года Э. Май дает последнее интервью, в котором дипломатично констатирует, что строительство социалистических городов для архитектора «наиболее интересная, благодарная, но в то же время и наиболее сложная» задача [33, С. 2].

Датой отъезда, 25 декабря 1933 года, обозначена итоговая характеристика, полученная Маем от главы Союзстандартжилстроя Шмидта и главы Горстройпроекта Гаспаряна. Она также дипломатична, в ней нет ни слова критики, а подчеркиваются лишь достоинства Э. Мая как руководителя проектных работ: «За время своего трехлетнего пребывания в СССР Эрнст Май принимал участие в проектировании крупнейших городов-новостроек: Магнитогорск, Сталинск, Н. Тагил и др. Работая с большим увлечением, настойчивостью и целеустремленностью над разрешением поставленных перед ним задач, будучи готовым в ответственные моменты осуществления проекта личным присутствием на стройплощадке оказывать максимальную помощь строителям, Эрнст Май в то же время сумел включиться в совместную работу коллектива советских архитекторов и, критически подходя к проделанной ими работе, повседневно улучшать предлагаемые им решения. Итоги трехлетней работы в СССР характеризуют Эрнст Май как одного из крупнейших специалистов-планировщиков» [39].

Однако с отъездом Э. Мая из СССР, руководство Горстройпроекта именно на него начинает списывать все, как выразился директор Горстройпроекта А. М. Гаспарьян, «детские болезни периода становления»:

«схематичность разработанных проектов; отсутствие комплексного разрешения всех элементов, слагающих соцгород; механичность разрешения кварталов; отсутствие глубоко проработанных экономических основ возникновения и перспектив развития города; монотонность и скучность архитектурных образов; оторванность проектировщиков от строительства» и многие другие «упущения и недостатки». Все они объяснялись, в том числе, и «отсутствием умелого архитектурного руководства», причем, как раз в тот период, когда руководящие должности в Стандартгорпроекте в 1931 – 1932 гг. занимал Э. Май [12, С. 3].

Одной из основных причин недостатков проектов называлось то, что они создавались «в тиши кабинетов и оторваны от советской действительности» [14, С. 10]. При этом совершенно упускается из виду, что именно Э. Май ввел в работу своей группы непоколебимое правило – начинать проектирование с осмотра местности (учитывая то, что в подавляющем большинстве случаев исходные данные для проектирования попросту отсутствовали): формировать представление об особенностях ландшафта, климата, предположения относительно грунтов; формулировать задания для технико-инженерных и технико-экономических изысканий и т.д. Специальный вагон, в котором перемещался Э. Май и его сотрудники по просторам России, надолго становился их местом работы и жительства. Из архитекторов группы Э. Мая и советских проектировщиков создавались выездные бригады. Сотрудники Проектного бюро Цекомбанка, а потом и Стандартгорпроекта, работали в строящихся далеких городах на постоянной основе или в ходе временных командировок. Так, например, сразу после получения задания на проектирование, с декабря 1930 г., в течение нескольких месяцев в Магнитогорске работает М. Фрюхауф, командированный для «изыскательских и проектных работ». В дальнейшем иностранные специалисты из бригады Э. Мая (М. Стам, Ф. Форбат) непосредственно руководят проектными и строительными работами в Магнитогорске. С весны 1933 г. в Магнитогорск командированы также В. Шютте и М. Шютте-Лихотски [6].

Именно Э. Май, являясь сначала руководителем Проектно-планировочного бюро Цекомбанка, а затем главным инженером Стандартгорпроекта, курировал работу выездных бригад и руководил ею непосредственно. Всему этому немало документальных свидетельств. Так, например, в сентябре 1932 г. управляющий треста Стандартгорпроект А.М. Гаспарян сообщает: «... в настоящее время бригада Стандартгорпроекта на площадке, возглавляемая гл. архитектором т. Май, состоит из 20 человек, из коих: гл. архитектор – 1, бригадир – 1, архитекторов – 8, конструктора – 2, инженер по водопроводу и канализации – 1, техников – 3 и чертежников – 4. Кроме того, находятся в пути 5 чел. Из них: инженер по транспорту – 1, инженер по водопроводу и канализации – 2, архитектор – 1 и техник – 1. В течение ближайших дней на площадку приезжает также один инженер по вертикальной планировке. С дальнейшим разворотом работ в целях обеспечения своевременного выполнения работ в сроки, установленные СТО, бригада СГП будет усилена еще специалистами в необходимом количестве» [1, л. 110].

Но эта особенность проектного подхода Э. Мая старательно заглушеивается в высказываниях обитогах его деятельности в СССР. Так, занявший должность Э. Мая после его отъезда из СССР главный инженер Горстройпроекта Э. А. Марк связывает требование «сократить отрыв проектировщиков от строительной площадки» не с именем Э. Мая, а с приказом наркома тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе, который «... в 1933 г., ознакомившись на месте (Магнитогорск) с положением проектирования и строительства соцгородов, своим приказом от 14/VIII 1933 г. обязал Горстройпроект приблизиться к строительной площадке и организовать там свои отделения». Э. А. Марк представляет организацию выездных бригад и самостоятельных отделений Горстройпроекта только как следствие этого распоряжения: «Наряду с самостоятельными отделениями в Ленинграде и Новосибирске (для обслуживания Кузбасса) были организованы на крупных новостройках в Магнитогорске и в Н.-Тагиле отделения Горстройпроекта, а впоследствии и бюро в Сталинске. Одновременно с этим были сформированы выездные бригады в Сталинске, Красноярске, Автострое и др., осуществлявшие на месте проектирование ...» [22]. При этом Э. А. Марк почему-то совершенно «забывает» о том, что если постоянные проектные бюро действительно были организованы после распоряжения наркома, то выездные бригады существовали задолго до этого и успешно трудились в Магнитогорске, Сталинске, Красноярске, Горьком и других соцгородах.

Обвинения в адрес Мая больше, чем реальное состояние дел, выражали специфику советской системы, когда власть ответственность за принимаемые ею ключевые решения перекладывала на архитекторов. Так, А.М. Гаспарян послушно повторяя руководящие установки, писал: «Многими планировщиками игнорировались вопросы внутригородского транспорта. Такой крупный планировщик как арх. Э. Май при проектировании Магнитогорска упустил из виду внутригородской транспорт. Это в условиях Магнитогорска, когда не только пешком, но и на автомобиле из-за сильных метелей и ураганных ветров иногда нельзя попасть к себе домой на расстоянии 1 км» [11, С. 5]. Но А.М. Гаспаряну были прекрасно известны проекты

Магнитогорска Э. Мая, в каждом из которых предусмотрено трамвайное и автобусное сообщение [2,3]. Также ему хорошо была известна и реальная ситуация с фактическим наличием транспорта, хотя бы потому, что ее открыто в отношении Магнитогорска фиксировала Коллегия ГУКХ: «Мы на сегодняшний день (март 1931 г. – авторы) на 56 тыс. чел. населения не имеем ни одного автобуса» [5, л. 54].

В той же статье и столь же «обоснованно» А.М. Гаспарьян раскрывает «истинные» причины возведения барачно-земляночных поселений для рабочих вблизи промышленных производств. Оказывается, бараки строятся потому, что архитекторы не предусмотрели необходимых автобусных маршрутов: «Очень часто строится временное жилье в непосредственной близости от заводов только из-за того, что отсутствует транспорт на площадке, где должен вырасти соцгород». А.М. Гаспарьян, как руководитель крупного проектного треста, прекрасно знает, почему в соцгородах стихийно возникает временное жилище для рабочих. Но вместо слов правды он повествует о том, что не официальная государственная жилищная политика, не острейший дефицит жилья заставляют людей обитать в выстроенных своими руками неблагоустроенных помещениях или в неблагоустроенных бараках, которые вместо капитальных зданий возводит администрация градообразующих предприятий, а ... «отдаленность предоставляемого им жилья в капитальных домах от места работы». «Рабочие Кузнецкого завода предпочитают жить в непосредственной близости от завода в землянке, чем в благоустроенном капитальном доме на расстоянии 3-5 км от завода. Это объясняется отсутствием транспорта и благоустроенных дорог», – пишет он [11].

С отъездом Э. Мая распространение получила еще одна примечательная тенденция – называть в связи с позитивными примерами проектирования и строительства соцгородов имена исключительно советских архитекторов, а имя немецкого архитектора в этом перечне просто «забыть». Так, в 1933 г., в статье под названием «Магнитогорск», помещенной в журнале «Планировка и строительство городов» управляющий трестом Горстройпроект А.М. Гаспарьян называет Э. Мая и его группу «лучшими силами иностранной архитектуры»: «Еще в 1930 г. был поставлен перед архитектурной общественностью нашего Союза вопрос о проектировании плана социалистического города Магнитогорска. Лучшие силы советской и иностранной архитектуры включились в проектировку этого города. В результате большого соревнования был принят проект архитектора Э. Мая, работавшего тогда в Цekomбанке» [13, С. 3]. Однако через год в очередной статье того же А.М. Гаспарьяна Э. Май ни разу не упомянут – «позабыт» [12]. Также позабыто его участие в работах Стандартгорпроект и в статье руководителя научно-исследовательского бюро Горстройпроект М.И. Ильиной [17, С. 37-38]. И в статье главного инженера Горстройпроект Э. А. Марка, посвященной этапам развития треста [22]. Причем, даже само наименование «Стандартгорпроект» в публикациях 1934 г. перестает упоминаться, несмотря на то, что новое название – «Горстройпроект» трест получил всего лишь год назад – 8 октября 1933 г. в результате «вливания» в Стандартгорпроект треста Вузстройпроект [18, С. 376-377]. «Забывает» о роли Э. Мая и руководитель экономической группы Горстройпроект Я.П. Левченко, который, описывая «методологию планировочных работ», выработанную в стенах треста, не упоминает ни Э. Мая, ни членов его коллектива: «Методология планировочных работ в практике Горстройпроект в данный момент может быть представлена следующим образом. Прежде всего, предпринимается рекогносцировочное обследование, в задачи которого входит, во-первых, определение объема всех предстоящих работ, что необходимо как для расстановки сил, так и для заключения договора с заказчиком; во-вторых, выбор тех или иных возможных вариантов территории будущего строительства и, наконец, в связи с этим выявление необходимых изысканий климатологических, геологических, гидрогеологических, транспортных и т.п. для обоснования окончательного выбора территории города.

Параллельно рекогносцировочное обследование захватывает в той или иной мере собирание уже имеющихся материалов, относящихся к программе основного технико-экономического обследования, которое, в зависимости от местных условий, наличия материалов и пр., проводится либо одновременно, либо с некоторым перерывом» и т.д. [20, С. 10]

Окончательный итог деятельности Э. Мая был безапелляционно подведен в период послевоенного расцвета «сталинского ампира»: «В начале 30-х годов преклонение перед иностранщиной, еще сохранившееся в то время в некоторых проектных организациях, ярко проявилось в «эпизоде» с германским архитектором Э. Мае и его группой, участвовавшей в проектировании и строительстве новых советских промышленных городов Урала и Сибири (Сталинск, Магнитогорск и др.). Бездушная и безидейная «архитектура», насаждавшаяся иностранными «специалистами», с ее домами-коробками, пресловутой строчной застройкой и ложно понимаемой стандартизацией, не имела и не могла иметь ничего общего с советскими принципами проектирования социалистических городов. Э. Май и его группа вскоре были отстранены от строительства, а дальнейшее проектирование этих городов вновь

полностью передано советским архитекторам...» [34, С. 22 - 23].

Игнорирование положительных результатов градостроительной деятельности группы Э. Мая в СССР и поток обвинений, заменивший содержательные аргументы и конструктивную критику, были не только свидетельством начавшегося со второй пятилетки поворота советского градостроительства в сторону новых принципов. Все это было внешним признаком формирования в тоталитарном СССР специфического формата взаимоотношений между органами партийно-советского руководства, с одной стороны, и системой архитектурно-градостроительного проектирования, с другой. Именно в это время складывается ситуация, определившая затем на долгие годы реальное положение профессионалов-планировщиков в системе принятия градостроительных решений. Это ситуация зависимости от центральных органов власти, от ведомств – главных застройщиков градообразующих предприятий и поселений при них, от фактических процессов распределения финансовых потоков, от механизма комплектования населения новых городов, от общей направленности градостроительной политики власти, от формирующихся идеологических догматов. Это ситуация, когда профессионализм и творческие принципы и ценности неизбежно вступили в конфликт с требованиями системы. И с неизбежностью проиграли. В этом конфликте погибли многие очень грамотные планировочные идеи и очень качественные градостроительные решения.

---

¹Подготовлено Мееровичем М.Г. при финансовой поддержке Российской Академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН) в рамках темы: «Методология ускоренного проектирования генеральных планов соцгородов-новостроек в период первых пятилеток» № 1.1.3. (2011-2012). По материалам стажировки в Фонде Германна Гензельманна, Германия, Берлин (2011), ставшей возможной благодаря спонсорской поддержке Л.Г. Завадовского и О.А. Завадовской.

²Об увольнении Май позднее никогда не упоминал, о нём было только передано в дипломатическом сообщении из Москвы. См.: [41]

Библиография

1. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667, л. 103 – 110. Протокол расширенного совещания бригады НККЗ РСФСР совместно с представителями местных учреждений и организаций по вопросу о планировке города Магнитогорска и об обеспечении строительства этого города проектами от 22 сентября 1932 г.
2. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667, л. 17 – 26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска (14.02.1931).
3. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667, л. 27 – 38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска (15.03.1932).
4. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7668. Л. 16 – 38. Докладная записка т. Рыскулову «Где строить город Магнитогорск».
5. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7668, л. 54 – 62. Приложение к протоколу заседания Коллегии ГУКХ от 16.03.1931.
6. МУ «Городской архив», г. Магнитогорск. Ф. Р-99. Оп. 8. Личные дела иностранных рабочих и специалистов.
7. РГАСПИ. Ф.558, Оп. 11, Ед. хр. 775, С.69,70. Письмо Э. Мая Сталину от 7.09.1931.
8. РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Ед. хр.. 5. С. 54 об. Союзстандартжилстрой. Постановление от 05.02.1932.
9. Боберко В.И. Упорядочить дело планировки городов / В.И. Боберко // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 4.
10. Волтерс Р. Специалист в Сибири / Р. Волтерс. – Новосибирск, 2007.
11. Гаспарьян А.М. Изжить недостатки планировочного дела (из опыта Стандартпроекта) / А.М. Гаспарьян // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 9.
12. Гаспарьян А.М. Три года работы Горстройпроекта / А.М. Гаспарьян // Планировка и строительство городов. – 1934.– № 7/8.
13. Гаспарьян А.М. Магнитогорск / А.М. Гаспарьян // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 2.
14. Гречуха В. За четкий архитектурный облик социалистических городов / В. Гречуха // За

социалистическую реконструкцию городов (Сорегор). – 1933. – № 1.

15. Жуковский А. Архитектура улицы и площади / А. Жуковский // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 9.

16. Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Архитектура соцгорода и его элементов / А.М. Зальцман, Д.С. Меерсон // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7/8.

17. Ильина М.И. Научная жизнь Горстройпроекта / М.И. Ильина // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7/8.

18. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования / И.А. Казусь. – М., 2009.

19. Комаров Н.П. К трехлетию Гипрогора / Н.П. Комаров // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 2.

20. Левченко Я.П. Методология Горстройпроекта в планировке соцгородов / Я.П. Левченко // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 7/8.

21. Магнитогорск строится на правом берегу. К пуску домен обеспечить рабочих жилищем: беседа с зам. пред. Совнаркома РСФСР и начальником ГУКХ тов. Рыскуловым // Комсомольская Правда. – 1931. – № 91 (1824) от 2 апреля

22. Марк Э.А. Этапы развития Горстройпроекта / Э.А. Марк // Планировка и строительство соцгородов. – 1934. – № 7/8.

23. Меерович М.Г. На острие схватки титанов [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2011. – №1 (33). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_1/9

24. Мостаков А.Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая / А.Мостаков // Архитектура СССР. – 1937. – № 9.

25. Мостаков А. Схематизм в планировке городов / А.Мостаков // Архитектура СССР. – 1936. – № 6.

26. Мостаков А. В чем недостатки инструкции / А.Мостаков // Планировка и строительство городов. – 1935. – № 9.

27. Островский З. Дома, улицы, больницы, транспорт, быт Магнитогорска // За социалистическую реконструкцию городов (Сорегор) / З. Островский. – 1932. – № 1.

28. Нессис Н.З. Гипрогор перед новыми задачами / Н.З. Нессис // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 1. – С. 7-8.

29. Перчик Л. Город социализма и его архитектура / Л. Перчик // Архитектура СССР. – 1934. – № 1.

30. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г // Наше строительство. – 1930. – № 1/2. – С. 7-37.

31. Справка ИНО НКТП о привлечении иностранной технической помощи в тяжелую промышленность СССР (1933) [Электронный ресурс] // Индустриализация Советского союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Часть I. – URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6016

32. Справка ИНО Наркомтяжпрома СССР в Бюро жалоб Комиссии советского контроля о динамике численности инорботников на предприятиях НКТП 15 декабря 1934 г. [Электронный ресурс] // Индустриализация Советского союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Часть I. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6016

33. Три года работы в Советском Союзе. Беседа с архитектором Эрнстом Май // Техника (Орган Народного комиссариата тяжелой промышленности). – 1933г. – № 117 (264) от 21 декабря.

34. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. – Вып.1. Поселковое строительство 1918 – 1948 годов / Ю. Шасс.– М., 1951.

35. Archiv des Instituts für Geschichte und Theorie der Architektur der ETH Zürich (gta). KM-1933-TGB-1.

36. Deutsches Architekturmuseum Frankfurt/Main, Nachlass May (DAM) Brief vom 18.12.1933 aus Moskau an seine Schwiegermutter (160-902-015).

37. Deutsches Kunstarchiv im Germanischen Nationalmuseum Nürnberg, Nachlass May (DKA). I, B-16. «Schicksal der Frankfurter May-Expedition. Vom Baudiktator Rußlands zum kleinen Architekten in Moskau», in: Frankfurter Generalanzeiger, 18.6.1932.

38. DKA, I, B-16. «Wohnungen für 1 400 000 Menschen. Der frühere Stadtrat May über seine russischen Pläne», in: Neueste Zeitung, 8.8.1932.

39. DKA, I, B-26. Характеристика Союзстандартжилстроя на архитектора Э. Мая от 25.12.1933 г.

40. ДКА, I, В-26. Договор Союзстандартжилстроя с Э. Маем от 05.02.1932 г.
41. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Berlin (AAA). R84016. Schwierigkeiten des Stadtbaurats May. Geheime Vermerke des Deutschen Botschafters in Moskau, Herbert von Dirksen, vom 1. und 2. Februar 1932.
42. Thomas F. Vielleicht die größte Aufgabe, die je einem Architekten gestellt wurde, Ernst May in der Sowjetunion (1930–1933) // Claudia Quiring, Wolfgang Voigt, Peter Cachola Schmal, Eckhard Herrel (Hg.): Ernst May 1886-1970. – Prestel, München, London, New York, 2011. – S. 156-195.
43. Buekschmitt J. Ernst May. Bauten und Planungen. – Stuttgart, 1963.
44. Schulz W. Wie arbeitet die Gruppe May in Moskau? // Die neue Stadt, 3/1932.
45. Schütte-Lihotzky M. Meine Arbeit mit Ernst May in Frankfurt a.M. und Moskau // Bauwelt, 28/1986.

Статья поступила в редакцию 15.12.2011

HISTORY OF ARCHITECTURE

CRITIQUE OF ERNST MAY'S ACTIVITIES IN THE USSR

Meerovich Mark G.

DSc (History), PhD (Architecture),
Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Civil Engineering,
Corresponding Member of the International Academy of Architecture.
Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia

Konysheva Evgeniya V.

PhD (Art Studies), Associate Professor,
Southern Urals State University,
Chelyabinsk, Russia

Flierl Thomas

PhD (Theory of Aesthetics), Member of the Board of Hermann Henselmann Foundation,
Senator for Science, Research and Culture in Berlin Government (2002-2006),
Berlin, Germany

Abstract

The article is devoted to the critique of the planning approaches practiced by the German representative of functionalist architecture E. May in designing "socialist cities" in the USSR during the first five-year periods. Initially, the critique was based on professional disagreements and concerned the regularity and ordinariness of his planning solutions, domination of line building, and priority of the functional over the artistic. Gradually, however, the critique lost professional reasoning and acquired political colouring. After 1932 E. May lost his leading position in the Soviet design system. After 1934 when E. May left the USSR, this German architect was totally denied any positive contribution to Soviet town-planning, and his heritage received the pejorative Russian term 'Mayevshchina' (May-ism). It was not only evidence of a turn in Soviet town-planning practice from the functionalist approach to understanding the city as an art and ideology phenomenon. And not only did it reflect the attitude of the totalitarian state towards any foreign experience as potentially dangerous and hostile. It was an expression of the system of relationships between Soviet power and creative personality. The town-planner was dependent on the central and local authorities, on commissioning agencies, on the achievement of targets, on the availability of finance and technology to support design and construction, and on the town-planning policy and ideological dogmas. If professional-ism and creative beliefs entered into conflict with circumstances and political and ideological requirements, the architect and his ideas would be inevitably rejected by the system.

Key words

town planning, town-planning policy, Socialist city, architecture of the first five-year periods, E. May (architect)